

ОБЗОРЫ И РЕЦЕЗИИ

УДК: 821.161.1.0

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-122-131

О МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО «АНТРОПОЛОГИЯ ДОСТОЕВСКОГО. ЧЕЛОВЕК КАК ПРОБЛЕМА И ОБЪЕКТ ИЗОБРАЖЕНИЯ В МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО» (СОФИЯ, 23–26 ОКТЯБРЯ 2018)

А. Н. Кошечко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Антропология Достоевского является сложной полиаспектной темой, исследование которой возможно с использованием междисциплинарного подхода различных отраслей гуманитарного знания: литературоведения, лингвистики, философии, богословия, психологии, психоанализа, антропологии.

Целью настоящей работы является анализ актуальных направлений развития современного достоевковедения и систематизация международного опыта изучения художественной антропологии Достоевского.

Материал и методы. Материал исследования – выступления, тезисы и аннотации докладов участников Международного симпозиума «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского». Методы исследования – аналитико-описательный, экспертное оценивание, экспертный анализ.

Результаты и обсуждение. Экспертные мнения ученых из 16 стран мира, представивших свои доклады на международном симпозиуме, позволили системно рассмотреть три ведущих проблемно-тематических направления: антропология Достоевского в свете философской антропологии и европейской культуры XX в.; антропология Достоевского в перспективе русской религиозно-философской мысли и русской культуры XX в.; проблема человека в романе «Идиот». В связи со 150-летним юбилеем романа «Идиот» отдельное внимание было посвящено обсуждению особенностей его экранизации в рамках круглого стола «„Идиот“ Достоевского и „Идиот“ А. Куросавы».

Заключение. Ценность представленных в рамках проблемно-тематических направлений симпозиума докладов – в способности исследователей сохранить уникальный дух творчества Достоевского, его глубокое понимание человека, представленное в различных формах художественного письма, философских идеях и подлинно психологических интерпретациях.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, антропология, человек, личность, ценности, духовность, свобода, эсхатология, историософия, экзистенциальное сознание, религия, православие, народ, Болгарское общество Достоевского, А. Куросава.*

Введение

23–26 октября 2018 г. в Софии состоялся Первый международный симпозиум «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского». Организаторами симпозиума выступили Болгарское общество Достоевского, Институт литературы Болгарской академии наук, Софийский университет им. святого Климента Охридского, Национальный литературный музей (София), Музей христианского искусства (София), Институт мировой литературы им. А. М. Горького (Москва), Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Москва), Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме (Италия), Общество Акиры Куросавы (Япония). В симпозиуме приняли участие более 50 ученых-экспертов в области литературо-

ведения, лингвистики, философии, богословия, психологии, психоанализа, антропологии из Болгарии, России, Италии, Японии, Сербии, Украины, Польши, Германии, Венгрии, Великобритании, Франции, Испании, Греции, США, Китая, Бразилии.

В состав организационного комитета симпозиума вошли выдающиеся мировые ученые, во многом определившие современные направления развития достоевковедения и литературоведческой науки в целом: председатель Болгарского общества Достоевского, профессор Болгарской академии наук Эмил Димитров [1–3], профессора Софийского университета Стоян Асенов [4], Живко Цирков, Виктор Иванов, Калин Михайлов (Болгария), профессор Университета Бергамо Розанна Казари [5–7] (Италия), старший научный сотрудник

Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук Анастасия Гачева (Россия) [8, 9], профессор Жорди Морильяс (Барселона, Испания) [10, 11, 12], профессор Университета Бохума Кристоф Гарстка (Германия) [13], профессор Университета Чиба Тоефуса Киносита (Япония) [14–16].

Тема симпозиума, являющаяся «метонимией всего творчества Достоевского» [17], определила три ведущих проблемно-тематических направления, в рамках которых были представлены выступления участников:

- антропология Достоевского в свете философской антропологии и европейской культуры XX в.;
- антропология Достоевского в перспективе русской религиозно-философской мысли и русской культуры XX в.;
- проблема человека в романе «Идиот».

Научную миссию симпозиума руководитель организационного комитета и председатель Болгарского общества Достоевского профессор Эмил Димитров определил следующим образом: «Антропологию Достоевского можно читать и интерпретировать в разных перспективах – святоотеческой, православно-аскетической, модернистско-европейской или в традиции русской религиозно-философской мысли – и наш симпозиум, разумеется, будет с этим считаться. <...> цель нашего симпозиума – раскрыть тайну человека по Достоевскому, но сохранить тайну как тайну» [17]. Уникальность симпозиума определялась еще и тем, что это первый масштабный научный форум на Балканах, посвященный творчеству русского писателя: «Симпозиум поможет нам в Болгарии как бы „раз и навсегда“ сделать Достоевского „своим“, т. е. неотъемлемой частью нашей „внутренней“ культуры мышления. Во-вторых, форум предоставит отличную возможность нашей стране и культуре по достоинству отдать должное Федору Михайловичу Достоевскому – великому защитнику и заступнику болгарского народа в судьбоносный момент его истории; в этом году мы отмечаем 140 лет освобождения Болгарии. В-третьих, уже нет сомнения, что симпозиум предоставит прекрасную возможность привлечь к нашему делу новых исследователей из Болгарии и других стран мира. Иначе говоря, вполне реальна возможность обновления международного научного сообщества, для которого, как мы все знаем, „нет ни Еллина, ни Иудея“. И – last but not least – мы в Болгарском обществе Достоевского надеемся распространить на международное научное сообщество одну из основных особенностей нашего общества, в котором для постижения тайны Достоевского подружились специалисты самого разного профиля» [17].

Материал и методы

Материал исследования – выступления, тезисы и аннотации докладов участников Международного симпозиума «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского». Методы исследования – аналитико-описательный, экспертное оценивание, экспертный анализ.

Результаты и обсуждение

Тематические направления работы симпозиума определили специфику научного диалога: при наличии общего исследовательского интереса к изучению антропологии Достоевского, творческого наследия писателя, фактов его биографии, религиозно-философских воззрений каждый из ученых-экспертов специализируется на своей теме, включая в орбиту своих научных интересов как исследование сугубо национальные с их смысловой и методологической спецификой, так и международные. Разноплановость взглядов и позиций в пределах основной темы симпозиума позволила не только осмыслить широкий круг вопросов, но и создать продуктивную среду для обсуждения идей и формирования уникального научного сообщества, определения новых стратегических направлений изучения творчества Достоевского.

Широкий спектр привлекаемых участниками симпозиума в качестве материала исследования произведений Достоевского позволил выстроить четкую смысловую и концептуальную парадигму, ориентированную на научное осмысление художественных возможностей, способов изображения в слове представлений о человеке, поскольку, по убеждению писателя, «художественность есть главное дело, ибо помогает выражению мысли выпуклостью картины и образа, тогда как без художественности, проводя лишь мысль, производим лишь скуку, производим в читателе незаметливость и легкомыслие, а иногда и недоверчивость к мыслям, неправильно выраженным, и людям из бумажки» (т. 24, с. 77) (здесь и далее ссылки на произведения Достоевского в круглых скобках – по изданию [18]).

Пленарный доклад С. С. Хоружего «Эсхатология Достоевского в контексте и в свете современного ренессанса эсхатологии», посвященный анализу эсхатологической оптики Достоевского, эсхатологического дискурса писателя, полифонии эсхатологических сценариев и феномена открытого финала, задал основной смысловой и методологический вектор симпозиума. Исследователь говорил об особом «эсхатологическом зрении писателя», которое видит «явления реальности в перспективе их завершения и конца, финального смыслового итога» [19, с. 4]. Развивая свой исходный тезис,

С. С. Хоружий отмечал, что интерес Достоевского к «последней судьбе человека» определяет сам характер его взгляда и реализуется в эсхатологической тематике текстов писателя, специфических чертах эсхатологического дискурса: «эсхатология обыденности и сквозь обыденность» [19, с. 4]. Резюмировало размышления автора доклада исследование глубинной связи Достоевского с современной апокалиптикой, философией Рене Жирапа.

Проблемно-тематическое направление «Антропология Достоевского в свете философской антропологии и европейской культуры XX века» было представлено рядом актуальных исследований, включающих в поле научной рефлексии проблематики пола, ценностно-смысловые и художественно-функциональные аспекты триады Достоевского «Христос, истина, человек» (Лазарь Милентиевич «Христос, истина и человек в поэме о Великом инквизиторе» [19, с. 42]), трансцендентальность героев произведений писателя (Giuseppe Ghini «The Tripartite Dostoevsky's Hero» [19, с. 21]), влияние на мировоззрение и творчество писателя философских идей романтизма (Nikita Nankov «An Anthropology of the Human: Romanticism, Hegel's «Phänomenologie des Geistes», and Dostoevsky's «Igrok»» [19, с. 45–46]) и секуляризма (Markos Galounis «Secularism in Dostoevsky's «The Idiot»» [19, с. 18]).

Эмил Димитров в своем докладе «Пол у Достоевского: страсть, сладострастие, разврат», говоря об онтологичности и персоналистичности антропологии писателя, антиномической напряженности его мира «не только по „онтологической вертикали“ бытие – небытие, добро – зло, Бог – Дьявол, но и по социально-антропологической горизонтали „мужское – женское“» [19, с. 24], пришел к ряду интереснейших выводов. Апокалиптичная по своему характеру «триада сексуальности» (страсть-сладострастие-разврат) ведет героев (Николай Ставрогин, Свидригайлов) к утрате «чувства личности», обозначает в художественном универсуме Достоевского ступени «нисхождения» личности (лик-лицо-личина) [19, с. 25]. Эсхатологический аспект «мыслей и исканий» Достоевского, связанный с идеей отмены пола («Не женятся и не посягают»), «предвосхищает „философию любви“ русской религиозной философии» [19, с. 25].

Отдельного внимания в рамках настоящего обзора заслуживают доклады болгарских ученых, которые исследуют антропологию самонаблюдения и принципы изображения человека как субъекта в Псалмах Ветхого Завета и в произведениях Достоевского (Иван Колев «Псалмични мотиви в кардиологията на Достоевски»¹ [19, с. 32–33]), иллюстрирующую художественную стратегию писателя ан-

тропологическую метафору личности, которая «изъедена» идеей (Калин Михайлов «Идеята или Личността? Съдбата на една антропологична метафора в някои посттоталитарни прочити на Достоевски»² [19, с. 43–44]), проблему расширения антропологического дискурса, включающего в себя достижения смежных отраслей знания – теологии, христологии, аскетики, философии (Нева Крыстева «Dostoevsky: Anthropology as musica humana»³ [19, с. 36]), проблему доносительства в творчестве писателя и в контексте актуальной современности (Филип Куманов «Dostoevsky and the Demons of Informing»⁴ [19, с. 38–39]), диалектику сумасшествия, шутовства и священного безумия (Нина Димитрова «Кому нужна психиатрическая правда литературного произведения? Обыкновенное и священное безумие в романе „Бесы“» [19, с. 27]), антропологию смеха и художественных механизмов раскрытия в повествовательной схеме произведений Достоевского комически-сатирического начала (Мая Горчева «Записки из подполья Крокодила: комически абсурдистский сюжет как воображаемая ситуация человеческого и как „эксперимент мысли“» [19, с. 23–24]), русско-болгарских литературных связей через анализ рецепции образов и идей Достоевского в произведениях болгарского классика Ивана Вазова (Пламен Антов «Вазов и Достоевски: Сянката на Раскольников в „Под игото“»⁵ [19, с. 7–8]).

Итальянские ученые представили исследования, посвященные философской рецепции творчества писателя (Розанна Казари «„Кризис человека. Философское мышление Достоевского“ (1948) итальянского философа Ремо Кантони как оригинальный вклад в изучение творчества Достоевского в Италии»⁶ [19, с. 29]), проблеме влияния произведений русского классика «на то, как итальянцы смотрят на мир или смотрят на Россию» [19, с. 11] (Андреа Бертацциони «Итальянский Достоевский»), экзистенциальной проблеме самоубийства и «антропоцентрического ада» в романе «Бесы» (Thais Figueiredo Chaves «Suicide and the

² «Идея или Человек? Судьба антропологической метафоры в некоторых посттоталитарных прочтениях Достоевского».

³ «Достоевский: Антропология как musica humana».

⁴ «Достоевский и демоны доносительства».

⁵ «Вазов и Достоевский: Тень Раскольникова в „Под игото“».

⁶ Р. Казари отмечает особый вклад профессора Миланской Школы (La scuola di Milano) Ремо Кантони, во многом предвосхитившего идеи М. М. Бахтина, в формировании качественно нового взгляда на Достоевского по сравнению с традицией итальянской критики: «В Италии русский писатель долго считался символом хаотичности „русской души“, „варваром“, представителем полной иррациональности русской культуры, в то время как для Кантони Достоевский является „современным“ мыслителем, который как „сейсмограф регистрирует подземные толчки переходной эпохи“, и великим художником, создавшим новую форму романа» [19, с. 29].

¹ «Псалмические мотивы в кардиологии Достоевского».

Anthropocentric Hell in Dostoevsky's Demons» [19, с. 63]).

Исследования особенностей рецепции творчества Достоевского в западноевропейской культуре и литературе позволили увидеть специфику переводов и интерпретации произведений писателя в испаноязычном мире¹, особенности восприятия героев немецкими модернистами², описанные Достоевским механизмы манипуляции сознанием человека и коллективной памятью³, проблемы нигилизма и терроризма⁴ как социальные и антропологические феномены, осмысленные Достоевским и воспринятые читателем XXI века в качестве актуального опыта в контексте современных ценностных и социокультурных вызовов.

В рамках направления «Антропология Достоевского в перспективе русской религиозно-философской мысли и русской культуры XX в.» были представлены как исследования фундаментальных проблем, связанных с художественными и философскими основаниями антропологических воззрений писателя, так и анализ идейно-поэтических особенностей, образной структуры и проблемного поля отдельных его произведений.

Валерий Подорога («План и время (Ф. Достоевский). Аналитическая антропология литературы») исследует уникальное свойство художественного мира писателя, которое определяет с помощью емкой терминологической формулы – «„вдруг-время“ смещение», которое проявляется в диалектическом взаимодействии «плана-сценария» и «анти-плана»: «„План“ у Достоевского нужно понимать как некое парадоксальное соединение проекции (будущее) и ее отрицания (переход через настоящее в прошлое). Автор-рассказчик не успевает за событиями, он не в силах упразднить их быстроту, отсюда стилевые „ошибки“, которые на самом деле помогают чтению. Невозможно предсказать мгновение, невозможно управлять временем драматизированных переживаний» [19, с. 49]. Планы-сценарии соотносятся в произведениях Достоевского с «другими планами, также выходящими за собственные границы», в которых доминирует «оперативная форма временности», «вдруг-время»: «Таковыми являются

планы эпилептический, сновидный, долговой, игровой и <...> план планов, у которого есть двойник – план апокалиптический, который придает поэтической онтологии временности единство и подлинность переживания Конца времен» [19, с. 50]. Важной для понимания специфики антропологии Достоевского является идея философа о запрете на касание, потому что в произведениях писателя «нет тел, которые могли бы удержать границу собственного образа по отношению к телу Другого» [19, с. 50]. Это приводит к изменению «структуры активной чувственности»: «нет интереса к зрительности, пластически выраженной в статуарной телесной форме, к описанию интерьеров и пейзажей», «чувственное <...> переживается в диапазоне звуковых фонов», «компенсируется устойчивым кинестезисом эмоции» [19, с. 51].

Анастасия Гачева в докладе «Антропология и историософия Достоевского: философский контекст», рассматривая на материале прозы и публицистики Достоевского взаимопереплетенность историософии и антропологии и влияние на этот процесс историософских концепций русских мыслителей, высказывает важную методологическую идею: «Взгляд на человека, его природу, его место и назначение в бытии предопределяет историософский сценарий, и наоборот – трактовка истории, ее движущих сил и тенденций развития оказывает прямое влияние на учение о человеке» [19, с. 19]. Данная позиция позволяет рассматривать образ человека, каждого из героев Достоевского (подпольного парадоксалиста, Раскольникова, Мышкина, Рогожина, Лебедева, Ставрогина, Шигалева, Шатова, Версилова, Ивана Карамазова, Алеши, Великого Инквизитора, Смердякова, старца Зосимы и др.) как уникальную «версию» понимания истории, а творчество писателя – как основу «теоантропоцентризма русской религиозно-философской мысли конца XIX – первой трети XX в.» [19, с. 20].

Анатолий Ахутин, исследуя тему «Человек Достоевского в глобальном мире: скандал и внутренняя речь», вслед за М. М. Бахтиным отмечает диалогическую природу личности, находящуюся «в постоянном внутреннем диалоге с самим собой, в споре, в скандале предельных идей, каждая из которых может воплотиться, олицетвориться, – это человек в противоборстве идей быть человеком (миром, Богом), человек под предельным вопросом...» [19, с. 9].

Тоефуса Киносита размышляет о духовном влиянии православной традиции (Исаака Сирина, преподобного Сергия Радонежского и др.) на антропологию писателя, обозначая тематический вектор своего исследования следующим образом: «Святоотеческая идея „смирennemудрие“ и Достоевский».

¹ Vladimir Smith-Mesa «Dostoevsky in Carpentier: Идиот & El Acoso» («Достоевский и Карпентьер: Идиот и Погоня») [19, с. 56].

² Уго Перси «Персонажи Федора Достоевского в восприятии немецких модернистов» [19, с. 48].

³ Алессандра Елиза Визиони «Шигалевщина как „технизированный миф“» [19, с. 16].

⁴ Christoph Garstka «Osama bin Stavrogin – The Character of Nihilistic Terrorism in Dostoevsky's „Demons“. A Critical Approach to the Theses Proposed by André Gluksman and Others» («Усама бен Ставрогин – персонаж нигилистического терроризма в „Бесах“ Достоевского. Критический подход к тезисам, предложенным Андре Глюксманом и другими») [19, с. 19].

Доклад Ивана Есаулова «Кроткое самоубийство как кара и/или воскресение закладчика» посвящен исследованию репрезентации в повести «Кроткая» проблемы «ты» и «я» [19, с. 28]. Фундаментальное основание герменевтического подхода и нарративная структура текста позволяют ответить на широкий спектр вопросов, возникающих в процессе восприятия текста Достоевского и обнаруживающих глубинные смысловые антиномии произведения: «кроткое» самоубийство героини – «попытка наказания героя-рассказчика» или «ее последняя отчаянная попытка спасти в нем образ Божий»; возможно ли отношение героя и героини друг к другу как к «удобному безличному материалу для собственного „реванша“ в их метафизической битве с жизнью»; является характеристикой героя или только «авторским чаянием» «движение от мифистофелевского желания обладания душой другого человека к пасхальному воскресению» [19, с. 28].

Мария Кандида Гидини в своем исследовании «Невозможная исповедь. Заметки о психологической прозе Ф. М. Достоевского» характеризует исповедь как жанр, который «постоянно определяется своим стремлением к Другому, большому времени», «живет парадоксами и границами», является «сознательным монологом, который <...> предусматривает в себе диалог». Недоступность для самоанализа подлинной правды о человеческом «я» (на что указывал в своей «Исповеди» блаженный Августин), с одной стороны, и идея Руссо о «прозрачности самого себя» и «силе интроспекции», с другой, обозначает антиномии исповедальных текстов Достоевского: «слово, запертое в себе, но отчаянно пытающееся выйти к другому, с изначальным осознанием того, что это невозможно» [19, с. 20].

Доклад А. Н. Кошечко «Экзистенциальная судьба Ф. М. Достоевского: способы отражения в слове» был посвящен исследованию вопроса об источниках формирования экзистенциального миропобраза в творчестве писателя. Особое внимание в докладе было уделено анализу экзистенциальных смыслов творчества Достоевского и соответствующих им способов текстопорождения. Актуальность заявленной темы определялась особенностями личности писателя и его героев, феноменологической природой его текстов, которые являются своеобразными экзистенциальными константами, обеспечивающими духовные, ценностно-смысловые опоры для самоопределения и самоидентификации человека. Важным смысловым акцентом доклада была мысль об актуальности творчества Достоевского и заложенных в нем экзистенциальных смыслов для человека и общества конца 2010-х гг., эпохи колоссального ценностно-мировоззренческого сдвига [19, с. 35].

Ценным аналитическим материалом в рамках направления стал сопоставительный анализ антропологических феноменов «лишний», «подпольный», «смешной» и «сверхчеловек» (Агнеш Дуккон «Человек с эпитетами: образы „лишнего“, „подпольного“, „смешного“ и „сверхчеловека“ у Достоевского» [19, с. 27–28]), исследование различных ценностно-смысловых значений фундаментальной для творчества писателя категории свободы (Наохито Саису «Понятие „свобода“ из разных смысловых контекстов (Библии, православия, западноевропейской философии) в творчестве Достоевского»)¹ [19, с. 53]), изучение основополагающих мифологических структур в системе антропологических воззрений писателя (Виктор Трицкий «Два мифологических образа в философской антропологии Ф. М. Достоевского»² [19, с. 60–61]), гностической парадигмы в постановке писателем проблемы «Бог и мир» (Алексей Козырев «„Мира этого Божьего – не принимаю“: гностицизм Достоевского или Ивана Карамазова?»³ [19, с. 31–32]), проблематики Софии в творческо-философском диалоге Владимира Соловьева и Достоевского, в символике имен героинь романов писателя (Генрих Папроцки «Идея Софии и герои произведений Ф. М. Достоевского» [19, с. 47–48]), методологии исследования художественной антропологии писателя (Александр Кочетков «Художественная антропология Ф. М. Достоевского в исследованиях профессора Н. В. Живолуповой» [19, с. 34]).

Отдельным вектором данного проблемно-тематического направления симпозиума стали исследо-

¹ Особенно интересным нам представляется сопоставительный анализ понимания «внутренней свободы, не зависящей от внешних обстоятельств вокруг себя» в посланиях апостола Павла, православной традиции и старчестве и свободы в понимании западноевропейских мыслителей (социализм, позитивизм), делающих акцент на «освобождении от внешнего рабства и внешней репрессии» [19, с. 53].

² «Мифологема „косых лучей“ у Достоевского фиксирует (задает) направление от человека к Богу и миру в целом и репрезентирует провиденциальное, мифологема „история Шлоссера, еж и топор“ – целиком в сфере вещного, эмпирического мира человека и репрезентирует случайное. Данная пара мифологем <...> вполне соответствует... универсальной мифопоэтической схеме (характерной для архаичных „космологических“ текстов) <...>: именно, когда организованному и предсказуемому началу противостоит – или даже угрожает – деструктивное и хаотическое состояние» [19, с. 61].

³ Вывод, предлагаемый автором доклада, может быть использован как продуктивный аргумент в дискуссии о вопросах веры писателя: «... является ли позиция Ивана личной позицией Достоевского? В „Братьях Карамазовых“ мы находим и экстатический пантеизм Мити, и христианский просветленный космизм старца Зосимы и Алеши. Попытки навязать Достоевскому гностицизм или манихейство, основанное... на его интересе к народной вере (согласно мнению Г. П. Федотова, далекой от манихейства), относятся скорее к области теологических экзерсисов, чем к реальному облику Ф. М. Достоевского» [19, с. 32].

вания, посвященные различным аспектам философского, ценностно-смыслового и художественного диалога Достоевского с русской культурой и литературой второй половины XIX – начала XX в.: Вера Бирон «Достоевский и Тургенев. 35-летний диалог (К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева)» [19, с. 12], Юлия Сытина «Вопрос о „дважды два“ в русской классике: некоторые наблюдения» [19, с. 58–59], Наталии Ашимбаевой «Мир Достоевского в произведениях Б. Савинкова и в судьбах русских террористов»² [19, с. 10], Ольга Богданова «Усадьбные» герои Достоевского и русская революция 1917 года»³ [19, с. 13], Андрей Шишкин «Вяч. Иванов и открытие Достоевского в начале XX века» [19, с. 65–66], Олег Марченко «Несколько замечаний к теме: Достоевский в размышлениях Вячеслава Иванова»⁴ [19, с. 41–42],

¹ Автор резюмирует свои наблюдения важным замечанием: «...доминантным для русской культуры следует... признать неприятие „законничества“ формулы $2 \cdot 2 = 4$, что в основе своей восходит в конечном счете к предпочтению Благодати перед Законом, к убежденности в первостепенной важности веры и милосердия, а не рационального научного познания и непреклонной „законнической“ логики. Неприятие $2 \cdot 2 = 4$ в русской культуре воспринимается не как разрушение иерархии и торжество энтропии над космосом, а напротив, как его созидание» [19, с. 59].

² Анализируя влияние Достоевского на творчество Бориса Савинкова («Конь Бледный», «Воспоминания Террориста», «То, чего не было»), который отражал в произведениях свой личный опыт революционера-террориста, исследователь делает следующий вывод: «Русский терроризм в 1900-е годы развивался словно бы с оглядкой на сценарий, написанный Достоевский, не принимая во внимание его предостережений. Прототипическое сходство революционеров-террористов 1900-х годов, изображенных Савинковым, с героями Достоевского подчеркивает трагическую прозорливость писателя в исследованиях судеб „русских мальчиков“ на историческом пути России в XX веке» [19, с. 10].

³ «Герои-помещики и герои-крестьяне – продукты той особой „усадьбной культуры“, которая сложилась в России XVIII–XIX вв. как преодоление культурно-психологического раскола русской нации, вызванного реформами Петра I. Несмотря на социальные разногласия, все они – носители единой религиозно-национальной системы ценностей (яркий пример – персонажи „Подростка“), в которую на равных правах входят крестьянская патриархально-православная „почвенность“ и дворянская культурная универсальность с ее уважением к человеческой личности. В лице Аркадия Долгорукого, живого синтеза дворянско-крестьянских черт, Достоевский задает желательный вектор развития человека русского будущего» [19, с. 13].

⁴ Автор доклада исследует восприятие творчества Достоевского и его антропологических идей Вяч. Ивановым, «используя понятие „концептуальный персонаж“ (Делез/Гваттари) в согласии с характерной для интеллектуалов русского Серебряного века стратегией „мифотворчества“». Методологически значимым нам представляется следующее размышление, которое объясняет специфику интереса русских религиозных мыслителей начала XX века к художественному миру Достоевского: «По-видимому, нечто важное у достоевских персонажей, вовлеченных в событие искания и испытания истины с существенным сращением идеи и ее носителя (М. М. Бахтин), с неизбежным драматизмом, двойственностью и двойничеством, касанием миров иных и подпольем, интонировало

Дмитрий Боснак «Категория воли, познания и любви в рецепции романов Достоевского в философско-эстетическом мировоззрении Вяч. Иванова»⁵ [19, с. 14], Галина Сабат «Рецепция философской антропологии Ф. Достоевского в романе Е. Замятина „Мы“»⁶ [19, с. 52–53].

Важным тематическим направлением в работе симпозиума стало обсуждение проблемы человека в романе «Идиот», посвященное 150-летию романа. При содействии Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (г. Санкт-Петербург) и Государственного музея истории русской литературы им. В. И. Даля (г. Москва) в Центральном фойе Болгарской академии наук была представлена выставка «Красота спасет мир», экспонатами которой стали иллюстрации к изданиям романа 1950-х–2010-х гг.

Исследование проблематики жизни и смерти, экзистенциального опыта личности, «реалистического символизма» Достоевского⁷, мифологемы Сибири и ее амбивалентной мотивно-образной структуры⁸, вербальных способов репрезентации личности в тексте, антропологии «исцеления

самому душевному строю, а может быть и создавало впервые такой душевный строй русских философов, определяя как радикализм их мышления и поведения, так и формы самоописания» [19, с. 42].

⁵ Д. Боснак, обращаясь к известной и вошедшей в канон критической рецепции творчества Достоевского статье Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия», «вносит некоторые прояснения в критическую по отношению к Иванову позицию Бахтина» [19, с. 14] и поясняет ряд существенных парадоксов этой концепции через анализ фундаментальных категорий философско-эстетической системы поэта («порядок зависимости категорий воли, познания и любви в ивановской модели мира» [19, с. 14], формула Иванова «ты еси» в интерпретации романов Достоевского, смысл противопоставления «познания» и «проникновения» и т. д.).

⁶ Сопоставительный анализ идеи «принудительного счастья» в романе Е. Замятина «Мы» и «Легенде о Великом Инквизиторе», который может рассматриваться как своеобразный предтекст, к которому генеалогически восходит концепция романа-антиутопии, показывает значимые точки схождения: «конфликт между личностью и обществом, который базируется на вечном столкновении свободы и счастья», Великий инквизитор и Благодетель «умело угнетают своих подчиненных, превращают их в стадо „номеров“-рабов <...> регулируют их чувства, жизненное устройство» [19, с. 53]. Следовательно, вопрос сохранения свободы личности для обоих авторов – это вопрос не столько социальный, сколько вопрос ценностного самоопределения личности, ее духовного выбора: «Ф. Достоевский и Е. Замятин призывают не допустить разрыва между личностью и ее предназначением, предупреждают перед социальными катастрофами, перед антигуманностью, антиприродностью, схематизмом, стандартизацией, духовным убожеством. <...> Ф. Достоевский стремился разобраться в человеческой душе, он фиксировал острое столкновение в ней полюсов добра и зла, сосредоточивался на духовно-нравственной стороне» [19, с. 53].

⁷ Мария Плеханова «Цветы у гроба в романе „Идиот“ и других» [19, с. 48–49].

⁸ Елена Сафронова «Мифологема Сибири в художественной антропологии романа „Идиот“» [19, с. 54].

души» и сострадания¹, феномена кротости и кротких героев, смысловых возможностей психоаналитической интерпретации образов героев романа², «эффекта фотографического взгляда» и телесных способов репрезентации внутреннего состояния героев³, концепта «счастье»⁴, теории «необыкновенного человека» в характерологии романа⁵, сопоставительный анализ антропологических концепций «великого человека» Раскольников и «положительно прекрасного человека» Мышкина⁶, интерпретация бессилия князя Мышкина в контексте современного православного персонализма⁷, музыкальная интерпретация образной и философской сложности романа средствами современной оперы⁸, – эти и другие аспекты, представленные в докладах, стали предметом оживленного диалога и глубокой научной дискуссии.

Вопросам экзистенциальной антропологии посвятил свой доклад «Проблемът за смъртта в романа „Идиот“»⁹ Стоян Асенов, представив анализ нескольких аспектов ее репрезентации в тексте произведения: непосредственный опыт проживания героями смерти и рассказы о ней (три рассказа князя Мышкина о смертной казни), динамические структурно-смысловые отношения между внутренним описанием событий и их переживанием во внутреннем хронотопе сознания, специфика сознания, основанного на столкновении с непосредственным опытом смерти и его влияния на формирование внутреннего опыта личности [19, с. 8].

В докладе Елены Степанян «Оговорка как способ постижения личности в романе „Идиот“» «оговорочные» слова, выражения, обороты, представляющие собой особые «молекулы» текста Достоевского, характеризуются как инструменты

создания «особого рода атмосферности текста», благодаря которым «нам демонстрируется неокончателность авторских характеристик, вариативность человеческой личности, которую Достоевский фиксирует», «явление, лицо, событие предстает в дымке разнообразных возможностей» [19, с. 57].

В исследовании Павла Фокина «Борьба за кротость. Сила кротости и ее испытание в романе Ф. М. Достоевского „Идиот“» отмечается, что кротким героям в мире Достоевского отводится «роль устоев и скреп»: «Именно они обеспечивают его выживание, настойчиво и последовательно возделывая ниву „живой жизни“» [19, с. 62]. При этом Достоевский «допускает и признает возможность исторического отступления кротости, вытеснения ее с арены социальных битв. Однако трагический финал романа, жизненное поражение князя Мышкина, стали еще более веским подтверждением необходимости борьбы за кротость» [19, с. 63].

В рамках круглого стола «„Идиот“ Достоевского и „Идиот“ А. Куросавы», посвященного обсуждению особенностей экранизации романа, участникам конференции, студентам и представителям научной и педагогической общественности была продемонстрирована первая экранизация романа – фильм А. Куросавы «Идиот» с болгарскими субтитрами.

Подводя итоги, отметим, что содержательно-смысловая структура симпозиума строилась по принципу взаимодополнения друг друга учеными-достоевковедами, каждый из которых, демонстрируя высокий уровень человеческой и научной культуры, включился вслед за Достоевским в процесс совместного поиска ответов на экзистенциальные вопросы, «болевые» вопросы о смысле собственной жизни и жизни вообще. Именно эта ситуация самоопределения по отношению к антропологическим доминантам творческого наследия писателя позволила преодолеть искус его схематизации и обезличивания и увидеть Достоевского живой, думающей, нравственно деятельной личностью, а его героев – актуальными субъектами диалога человека пореформенной эпохи с человеком эпохи современной, постапокалиптической.

Заключение

Ценность представленных в рамках проблемно-тематических направлений Международного симпозиума «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского» докладов – в способности исследователей сохранить уникальный дух творчества писателя, его глубокое понимание человека, представленное в различных формах художественного письма,

¹ Takayoshi Shimizu «The Soul Healing Anthropology of „Idiot“» («Исцеляющая душу антропология „Идиота“») [19, с. 64].

² Мимоза Димитрова «Князь Мышкин – между разбитым и глукването» («Князь Мышкин – между пониманием и интерпретацией») [19, с. 26].

³ Елена Быстрова «Физиогномика в творчестве Федора Достоевского» [19, с. 15].

⁴ Инна Гажева «„Я... был счастлив иначе“: „иное счастье“ в романе Ф. М. Достоевского „Идиот“» [19, с. 17].

⁵ Сэйитиро Такахаши «Проблема теории „необыкновенного человека“ в романе „Идиот“» [19, с. 59–60].

⁶ Жорди Морильяс «Мышкин против Раскольникова, или Что значит быть человеком» [19, с. 44–45].

⁷ Peter Gregory Winsky «I Opened to My Beloved, But My Beloved Had Withdrawn»: The Anthropological Foundations of Prince Myshkin's Failure in „Idiot“» («„Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой ушел“: Антропологические основы провала князя Мышкина в „Идиоте“») [19, с. 61–62].

⁸ Уго Перси «Персонажи Федора Достоевского в восприятии немецких модернистов» [19, с. 48].

⁹ «Проблема смерти в романе „Идиот“».

философских идеях и подлинно психологических интерпретациях: «основной вопрос антропологии Достоевского – не „Что такое человек?“ <...>, а „Как человек возможен?“ Испытание предельных оснований человека и человечности, апробирование границ этой человечности, по ту сторону которых человек становится чем-то иным – недочеловеком или сверхчеловеком („человекобогом“, согласно Кириллову), постановка предельных вопросов в стесненном пространстве на границе времени – все это является спецификой постановки проблемы человека „по Достоевскому“» [17].

Список литературы

1. Димитров Э. Достоевский в Болгарии (1971–2011) (Библиография) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-история, 2013. Т. 20. С. 480–488.
2. Димитров Э. Безмолвие у Достоевского // Достоевский и современность: тезисы выступлений на «Старорусских чтениях». Новгород, 1991. Ч. 1. С. 48–52.
3. Димитров Э. Онтопоэтика Достоевского // Достоевский в смене эпох и поколений: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Омск, 13–15 октября 2011) / отв. ред. О. С. Иссерс, Е. А. Акелькина. Омск, 2011. С. 28–34.
4. Асенов С. Битие и отсутствие. Достоевски и опитът за смъртта. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2014. 310 с.
5. Казари Р. Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. VII. С. 87–92.
6. Casari R. Di un motivo architettonico-spaziale in Dostoevskij. Le vaste prigioni della mente // Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70° compleanno. Padova, 1992. P. 26–33.
7. Казари Р. «Прекрасная сказка» об Амуре и Психее в творчестве Достоевского // На меже меж Голосом и Эхом: сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 165–173.
8. Гачева А. Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 640 с.
9. Гачева А. Г. Царство Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 312–327.
10. Достоевский и христианство / под ред. Жорди Морильяса. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 251 с.
11. Морильяс Ж. Утверждение и отрицание воли к жизни у Раскольникова. А. Шопенгауэр и Ф. М. Достоевский // Достоевский и мировая культура. Альманах / гл. ред. К. А. Степанян. М., 2012. № 28. С. 87–113.
12. Арсентьева Н., Морильяс Ж. Библиография переводов, рецепции и научного изучения жизни и творчества Достоевского в Испании // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Нестор-история, 2013. Т. 20. С. 305–328.
13. Garstka Ch. Arthur Möeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Möeller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E. K. Rahsin. Mit ausführlicher Bibliographie. Geleitwort von Horst-Jürgen Gerigk. Frankfurt am Main [u.a.], 1998. 164 s.
14. Киносита Т. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-история, 2013. Т. 20. С. 194–219.
15. Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского: сб. ст. / под ред. В. Туниманова. СПб., 2005. 208 с.
16. Киносита Т. По поводу понятия «реализм в высшем смысле» Ф. М. Достоевского. В аспекте отношения поэтики и антропологии // Достоевский и мировая культура: альманах / гл. ред. К. А. Степанян. М., 2009. № 25. С. 103–113.
17. Димитров Э. Основной вопрос антропологии Достоевского – «Как человек возможен?». URL: <https://philologist.livejournal.com/10003962.html> (дата обращения: 12.05.2019).
18. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1986.
19. Международный симпозиум «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского»: тезисы и аннотации докладов. София: Българско общество «Ф. Достоевски», 2018. 80 с.

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, директор Международного научно-практического центра аксиологии и методологии духовно-нравственного воспитания, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 05.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-122-131

ABOUT INTERNATIONAL SYMPOSIUM OF BULGARIAN DOSTOEVSKY SOCIETY “THE ANTHROPOLOGY OF DOSTOYEVSKY. THE MAN AS A PROBLEM AND A SUBJECT OF REFLECTION IN THE DOSTOYEVSKY’S WORLD” (SOFIA, 23–26 OCTOBER 2018)

A. N. Koshechko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk

Introduction. The Anthropology of Dostoevsky is a complex polyaspect subject, the study of which is possible with the use of cross-disciplinary approach of various branches of humanitarian knowledge: literary criticism, linguistics, philosophy, theology, psychology, psychoanalysis, anthropology.

The aim of this work is to analyze the current trends of development of modern science about Dostoevsky and systematization of the international experience of studying of his creative anthropology.

Material and methods. The research material is the speeches, theses and summaries of reports of participants of the international symposium “Anthropology of Dostoevsky. Man as a problem and a subject of reflection in Dostoevsky’s world”. The research methods are analytical and descriptive, expert estimation, expert analysis.

Results and discussion. Expert opinions of scientists from 16 countries of the world who presented their reports at the international symposium, allowed to consider three leading problematic and thematic directions systemically: the anthropology of Dostoevsky in the light of philosophical anthropology and the European culture of the XX century; a problem of the person in the novel *The Idiot*. In connection with 150-year anniversary of the novel *The Idiot* the special attention was devoted to discussion of features of its screen version within a round table “*The Idiot* of Dostoevsky and *The Idiot* of A. Kurosawa”.

Conclusion. The value of the reports presented within the problematic and thematic directions of a symposium consisted in the researchers’ ability to keep the unique spirit of creativity of Dostoevsky, his deep understanding of the person presented in various forms of literary writing, philosophical ideas and truly psychological interpretations.

Keywords: *F. M. Dostoevsky, anthropology, man, personality, values, spirituality, freedom, eschatology, historiography, existential consciousness, religion, Orthodoxy, people, Bulgarian Dostoevsky society, A. Kurosawa.*

References

1. Dimitrov E. Dostoyevskiy v Bolgarii (1971–2011) (Bibliografiya) [Dostoevsky in Bulgaria (1971–2011) (Bibliography)]. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. T. 20 [Dostoevsky. Materials and research. Vol. 20]. Saint Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2013. Pp. 480–488 (in Russian).
2. Dimitrov E. Bezmolviye u Dostoyevskogo [Silence according to Dostoevsky]. *Dostoyevskiy i sovremennost’: teziy vystupleniy na “Staroruskikh chteniyakh”*. Ch. 1 [Dostoevsky and present: theses of performances on “Starorusky readings”. Part 1]. Novgorod, 1991. Pp. 48–52 (in Russian).
3. Dimitrov E. Ontopoetika Dostoyevskogo [Dostoevsky’s onto-poetics]. *Dostoyevskiy v smene epokh i pokoleniy: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Omsk, 13–15 oktyabrya 2011) [Dostoevsky in change of eras and generations: collection of materials of the International scientific conference (Omsk, 13–15 October 2011)]. Ed. O. S. Issers, E. A. Akel’kina. Omsk, 2011. Pp. 28–34 (in Russian).
4. Asenov S. *Bitie i ots’stvie. Dostoyevskiy i opit’ za sm’rtta* [Being and absence. Dostoevsky was also tried for death]. Sofia, Universitetsko izdatelstvo “Sv. Klimeyn Orkhidski” Publ., 2014. 310 p. (in Bulgarian).
5. Kasari R. Kupecheskiy dom: istoricheskaya deystvitel’nost’ i simbol u Dostoyevskogo i Leskova [Merchant house: historical reality and a symbol at Dostoevsky and Leskov]. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. T. VII [Dostoevsky. Materials and researches. Vol. VII]. Leningrad, 1988. Pp. 87–92 (in Russian).
6. Casari R. Di un motivo architettonico-spaziale in Dostoyevskij. Le vaste prigioni della mente [From an architectural-spatial motive in Dostoevsky. Extensive prisons of the mind]. *Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70° compleanno* [Slavic studies proposed to Alexander Ivanov in his 70 years old]. Padova, 1992. Pp. 26–33.
7. Casari R. “Prekrasnaya skazka” ob Amure i Psikheye v tvorchestve Dostoyevskogo [“The fine tale” of L’Amour et Psyché in Dostoevsky’s creativity]. “Na mezhe mezh Golosom i Ekhom”: sb. statey v chest’ T. V. Tsv’yan [“On a boundary between Voice and the Echo”: the collection of articles in honor of T. V. Tsv’yan]. Moscow, 2007. Pp. 165–173 (in Russian).
8. Gacheva A. G. “*Nam ne dano predugadat’, Kak slovo nashe otzovetsya...*” *Dostoyevskiy i Tyutchev* [“To us it is not allowed to foresee As our word will respond...” Dostoevsky and Tyutchev]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2004. 640 p. (in Russian).
9. Gacheva A. G. Tsarstvo Bozhiye na zemle v ponimanii F. M. Dostoyevskogo [The Kingdom of God on the earth in F. M. Dostoevsky’s understanding]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Sbornik nauchnykh trudov* [The evangelical text in the Russian literature of the 18–20th centuries: Quote, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific works]. Petrozavodsk, 2005, no. 4, pp. 312–327 (in Russian).
10. Dostoyevskiy i khristianstvo [Dostoevsky and Christianity]. Ed. Zhordi Morilyas. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2015. 251 p. (in Russian).
11. Morilyas Z. Utverzheniye i otritsaniye voli k zhizni u Raskol’nikova. A. Shopengauer i F. M. Dostoyevskiy [Statement and denial of will to live at Raskolnikov. A. Schopenhauer and F. M. Dostoevsky]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul’tura. Al’manakh* [Dostoevsky and world culture. Almanac]. Ed. K. A. Stepanyan. Moscow, 2012. No. 28. Pp. 87–113 (in Russian).

12. Arsentyeva N., Morilyas Z. Bibliografiya perevodov, retseptsii i nauchnogo izucheniya zhizni i tvorchestva Dostoyevskogo v Ispanii [The bibliography of the translations, reception and scientific studying of life and Dostoyevsky's creativity in Spain]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya*. T. 20 [Dostoyevsky: material and research works. Vol. 20]. Saint Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2013. Pp. 305–328 (in Russian).
13. Garstka Ch. *Arthur Möller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Möller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E. K. Rahsin. Mit ausführlicher Bibliographie* [Arthur Möller van den Brook and the first German full publication of Dostoyevsky's works in Piper Verlag 1906–1919: a list of all preliminary remarks and introductions by Arthur Möller van den Brook and Dmitry Mereshkovsky using unpublished letters from the translator E. K. Rahsin. With a detailed bibliography. Foreword by Horst-Jürgen Gerigck]. Frankfurt am Main [u.a.], Geleitwort von Horst-Jürgen Gerigck Publ., 1998. 164 p.
14. Kinoshita T. Vospriyatiye i izucheniye tvorchestva Dostoyevskogo v Yaponii za posledniye 40 let v svete istorii vospriyatiya tvorchestva pisatelya s kontsa XIX v. [Perception and studying of creativity of Dostoyevsky in Japan for the last 40 years in the light of history of perception of works of the writer since the end of the 19th century]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya*. T. 20 [Dostoyevsky: material and research works. Vol. 20]. Saint Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2013. Pp. 194–219 (in Russian).
15. Kinoshita T. *Antropologiya i poetika tvorchestva F. M. Dostoyevskogo*: sb. st. [Anthropology and poetics of creativity of F. M. Dostoyevsky. Collection of articles]. Ed. V. Tunimanov. Saint Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 208 p. (in Russian).
16. Kinoshita T. Po povodu ponyatiya "realizm v vysshem smysle" F. M. Dostoyevskogo. V aspekte otnosheniya poetiki i antropologii [Concerning the concept "realism in the highest sense" of F. M. Dostoyevsky. In the aspect of relation of poetics and anthropology]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh* [Dostoyevsky and world culture. Almanac]. Ed. K. A. Stepanyan. Moscow, 2009. No. 25. Pp. 103–113 (in Russian).
17. Dimitrov E. *Osnovnyy vopros antropologii Dostoyevskogo – "Kak chelovek vozmozhen?"* [The main question of anthropology of Dostoyevsky – "How is a man possible?"]. URL: <https://philologist.livejournal.com/10003962.html> (accessed 12 May 2019) (in Russian).
18. Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986 (in Russian).
19. *Mezhdunarodnyy simpozium "Antropologiya Dostoyevskogo. Chelovek kak problema i ob"ekt izobrazheniya v mire Dostoyevskogo". Tezisy i annotatsii dokladov* [International symposium "The Anthropology of Dostoyevsky. The man as a problem and as a subject of reflection in the Dostoyevsky's world". Abstracts]. Sofia, Bulgarian Dostoyevsky society Publ., 2018. 80 p. (in Russian, in Bulgarian).

Koshechko A. N., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru.